

Грубое, ледящее ощущение волочения по земле — вот и всё, что чувствовал Байли И, прежде чем к нему начала возвращаться способность осознавать происходящее.

Шершавый наст, смешанный с острым щебнем, непрерывно скреб по его спине и конечностям. Старый плащ давно истрепался, и тонкая ткань одежды не могла защитить тело от порезов ледяных кристаллов.

Онемевшие конечности безвольно волочились по земле, подчиняясь чужой грубой силе. Каждый сустав отзывался ноющей, изматывающей болью, а рана на затылке пульсировала, отдаваясь в голове тяжелыми ударами. Густая пелена головокружения вязко опутывала сознание, раз за разом утягивая его на грань беспамятства.

Его разум то погружался в тьму, то выныривал обратно, подобно утопающему, балансирующему на краю жизни и смерти. Бесконечная тряска и пробирающий до костей холод по крупицам вырывали его из забытья.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем тяжелые ресницы Байли И дрогнули, и он с неимоверным трудом приоткрыл отяжелевшие веки.

Мутный, расплывчатый взор медленно обретал четкость. Первым, что предстало его глазам, стали несколько высоких, статных фигур в черном.

Вооруженные до зубов солдаты Урсусской службы охраны замерли посреди снежной бури. Их массивные уставные доспехи, покрытые толстым слоем снега, тускло отблескивали на холоде, не излучая ни капли тепла.

В руках у них были стандартные дубинки и огнестрельное оружие. Лица, скрытые за забралами шлемов, не выражали ничего, кроме равнодушия и затаенной жестокости. Их глаза, холодные, как у механизмов для исполнения казней, не отрываясь, следили за несколькими жалкими пленниками, лежащими на земле.

Вокруг по-прежнему выл ледяной ветер, кружила метель, но местность изменилась до неузнаваемости.

Больше не было руин и теней от обрушившихся стен — вместо них лежала бескрайняя, утрамбованная ногами тысяч людей, твердая как камень промерзшая пустошь.

Взгляд Байли И устремился вдаль, туда, где в туманной дымке метели, на самом горизонте, между небом и землей нависала огромная, серая, безжизненная черная тень.

Это была самая жестокая тюрьма на севере Урсуса — принудительный рудник для Зараженных.

На этой бесплодной, широкой ледяной равнине рудник походил на припавшего к земле дикого зверя, вечно укрытого снегами и сумраком.

Бесконечные ряды ветхих металлических ограждений, покосившиеся стальные опоры, торчащие из сугробов, хаотичное нагромождение низких каменных хижин и жестяных навесов. Дымовые трубы изрыгали серо-белый гарь, которая, смешиваясь со снегом, окутывала всё пространство мертвенной пеленой.

Это был источник Ориджиниума — ядро, питающее энергией огромную, неповоротливую и прогнившую военную машину Урсуса, и одновременно — клетка, ставшая роком для бесчисленных людей из низов этого страдающего края.

Все в мире знают, что Ориджиниум — это сокровище цивилизации, сердце технологий, та самая первородная сила, что движет Терру вперед, позволяя ей развиваться и меняться.

Но здесь, на жестоких снежных равнинах Урсуса, Ориджиниум никогда не был символом славы или надежды. Он был смертельным ядом, пожирающим жизни.

На континенте Терра существует множество способов добычи Ориджиниума: точное механическое бурение, безопасная магическая экстракция, высокоэффективные промышленные линии.

Но на бесплодном, холодном и забытом богом крайнем севере Урсуса любая сложная техника казалась невыносимой роскошью.

На этой мерзлой земле, брошенной империей на произвол судьбы, самым дешевым, жестоким и массовым способом добычи остается человеческий труд.

Долбить лед голыми руками, склонившись в три погибели, выкапывать камни, таскать на себе грузы — всё это ради того, чтобы противостоять твердым пластам Ориджиниума, меняя свои живые жизни на холодную руду.

Стоило только ступить за железные ворота этого рудника, как человек сам подписывал себе смертный приговор.

Здесь нет ни законов, ни жалости, ни шанса на выживание.

Даже физически крепкий пленник, долгое время проводя в замкнутых шахтах, наполненных мельчайшей пылью Ориджиниума, изо дня в день вдыхая отравленный ледяной воздух и постоянно соприкасаясь с отходами руды, неизбежно заражался орипахией.

Как только болезнь брала верх, Зараженный окончательно превращался в самый дешевый, легко заменяемый расходный материал империи.

Они были подобны низкопробным деталям в сложном механизме: работали без сна и отдыха, сжигая свою жизнь, чтобы непрерывно поставлять драгоценный Ориджиниум для ненасытной Урсусской империи.

Когда тело окончательно истощалось, полностью поглощенное воздействием камня, и теряло свою трудовую ценность, его выбрасывали без всякого сожаления. На смену приходила новая партия живых, полных сил пленников, а погибшие бесследно растворялись в снегах ледяной равнины, никем не оплаканные и никем не забытые.

Байли И, собрав остатки сил, с трудом повернул затекшую шею и мутным взглядом осмотрелся по сторонам.

У Сюань, Янь и Ху Ижань также один за другим приходили в себя.

Все трое дрожали от холода, их волосы, ресницы и брови покрылись инеем, а лица стали бледными, как бумага.

В их глазах читались растерянность и страх. Они с трудом вращали головами, пытаясь осознать, в какой чужой и гнетущей безнадежности оказались. Остатки сна окончательно испарились под натиском пронизывающего холода и первобытного ужаса.

Лишившись памяти, они еще не понимали, какая адская судьба их ждет, но инстинктивно чувствовали бесконечный страх перед этой ледяной средой и свирепыми солдатами.

Не успели они прийти в себя, как над ними нависла холодная тень.

Солдат службы охраны с озлобленным лицом сделал широкий шаг вперед. Толстая черная резиновая дубинка взметнулась высоко вверх и с силой, подгоняемой ледяным ветром, без всякого предупреждения обрушилась на грудь Байли И, который едва успел открыть глаза и не имел сил уклониться.

— Бах!

Глухой, неприятный звук удара прогремел среди метели.

Сила удара пронзила хрупкое тело Байли И насквозь, в груди словно что-то взорвалось. Казалось, все внутренние органы сместились и содрогнулись.

К горлу подступил густой, тошнотворный привкус крови. В следующую секунду он уже не смог сдержать порыв — из его уст вырвался фонтан горячей алой крови.

— Пх...

Кровавый туман брызнул на девственно чистый снег, мгновенно расцветая яркими, режущими глаз пятнами, пугающими на фоне бескрайней белизны.

Тело Байли И ссутулилось, словно сломанная сухая ветка. Он свернулся в клубок, а нестерпимая боль в груди, ноющая тяжесть в затылке и леденящий холод смешались в единое целое, едва не раздавив его сознание окончательно.

Он тяжело хрипел, каждый вдох давался с раздирающей болью, а зрение снова начало меркнуть.

Солдат смотрел сверху вниз на лежащего в снегу, харкающего кровью и жалкого Байли И. В его холодных глазах не было ни тени сочувствия — лишь жестокая, насмешливая ухмылка и высокомерие того, кто привык топтать слабых.

— Разглядел? Вот что бывает с теми, кто пытается притворяться мертвым или мудрить здесь.

Он слегка придавил носком сапога снег рядом с Байли И и ледяным, не терпящим возражений голосом рявкнул:

— Все, кто еще не сдох, встать! Живо ползите в рудник! Не ждите, пока я вас буду нести, последствия вам не понравятся!

Сказав это, он перевел холодный взгляд на Яня — рыжеволосого подростка, чьи мышцы напряглись, а в глазах полыхал гнев, который он, однако, не смел выплеснуть. Солдат указал на лежащего в снегу, полуживого Байли И и отдал приказ:

— Ты. Подойди. Взвали его на спину и тащи внутрь.

Он сделал паузу, и его голос прозвучал равнодушно, словно лед, в нем не было ни капли человечности:

— Правила простые. Жив — бросим в рабочую казарму гнить дальше. Испустил дух — сразу в снежную яму за горой, на корм зверью.

Янь крепко сжал кулаки так, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони. Внутри него бушевало пламя невыносимого отчаяния, ярости и бессилия.

Он смотрел на Байли И, лежащего в крови, на дрожащую от страха У Сюань, на молчаливого, хмурого Ху Ижана, а затем — на окружавших их вооруженных солдат.

Перед лицом абсолютной жестокости и власти все порывы юноши, весь его гнев и мысли о сопротивлении казались такими ничтожными и бессильными.

Глухое негодование было подавлено, превратившись в конечном итоге в полную, давящую тишину.

Янь опустил голову, смахивая покраснение из глаз, подавил эмоции, шаг за шагом подошел к Байли И и, с трудом наклонившись, осторожно поднял его, взвалив на свои худые плечи.

На спину слабого подростка легла тяжесть умирающего товарища, а вместе с ней — и их общая, темная, неведомая судьба.

Метель продолжала выть, неся с собой ледяной холод.

Янь сжал зубы и, тяжело ступая, понес едва дышащего Байли И. Следом за ним, спотыкаясь и дрожа, шли У Сюань и Ху Ижань. Медленно, шаг за шагом, они вошли в глубины того самого рудника, что стоял посреди снегов, пожирая тысячи жизней.

Железные ворота с лязгом закрылись за их спинами, окончательно отрезав последний слабый лучик света.

<http://bllate.org/book/22376/2347542>